

Atıfta Bulunmak İçin / Cite This Paper: Табалдиев, К., Акматов, К. (2019).
“Мавзолей Кёк-Таш (Көк-Таш)”, *Manas Sosyal Arařtırmalar Dergisi*, 8(1): 584-611
Geliř Tarihi / Received Date: 08.06.2018 **Kabul Tarihi / Accepted Date:** 02.07.2018

Arařtırma Makalesi

МАВЗОЛЕЙ КЁК-ТАШ (КӨК-ТАШ) (Результаты археологических раскопок 2017 года)

Проф., т.и.к. Кубатбек ТАБАЛДИЕВ

Кыргызско-Турецкий Университет Манас, Гуманитарный Факультет
tabaldievk@yahoo.com

ORCID: ID 0000-0002-6679-8030

Т.и.к. Кунболот АКМАТОВ

Кыргызско-Турецкий Университет Манас, Гуманитарный Факультет
kunbolot.heritage@gmail.com

ORCID: ID 0000-0003-4247-3554

Аннотация

В статье представлены результаты археологических раскопок и археолого-архитектурного анализа подземного мавзолея Кёк-Таш (Көк-Таш), расположенного в Кочкорской долине Кыргызстана. Он был случайно обнаружен местными жителями в 1988 г. при выкапывании силосной ямы с помощью землеройной техники. С тех пор мавзолей неоднократно подвергался грабительским раскопкам, в результате которых пострадали перекрытия помещений и часть стен. Объект состоит из двух камер: малого прямоугольного и большого квадратного, ориентированных по сторонам света. Он сооружен из квадратных жженных кирпичей на глиняном растворе. Наряду с ними встречаются прямоугольные кирпичи, которые использовались для соблюдения регулярной перевязки рядов кладки. В полевом сезоне 2017 г. на памятнике было заложено 6 шурфов, которые дали полное представление об архитектуре мавзолея. Изучение планировки, тропы, погребального ящика и строительного материала, с учетом результатов радиоуглеродного анализа, позволило сделать вывод, что время сооружения мавзолея Кёк-Таш укладывается в хронологические рамки между XI и XIII вв. Более точная датировка будет предложена после завершения раскопок и проведения дополнительных исследований. Памятник интересен не только как первый известный подземный двухкамерный мавзолей на территории Кыргызстана, но и тем, что он включает в себя как архаические, так и новые для своей эпохи архитектурно-археологические признаки. Найденные здесь нефритовые блюда также не имеют аналогов в археологии Кыргызстана.

Ключевые слова: Средняя Азия, Кыргызстан, Средневековье, подземный двухкамерный мавзолей, жженный кирпич, арка, тропы, погребальный ящик, находки.

THE MAUSOLEUM KYOK-TASH (KÖK-TASH) (The results of the 2017 archaeological excavations)

Abstract

The paper presents the results of the archaeological excavations and archaeological-architectural analysis of the underground mausoleum Kyok-Tash (Kök-Tash) in Kochkor region, Kyrgyzstan. The mausoleum was accidentally discovered by local residents in 1988, during the construction of the silage pit. Since then it was looted several times, as a result of which the mausoleum's dome and parts of the wall were destroyed. The mausoleum consists of two chambers: one of them is a small and rectangular and another one is big and square. The walls of the chambers are oriented in the cardinal directions. The mausoleum was built by square fired bricks using clay cement. Rectangular bricks were also used, apparently, to maintain the bonds between the brick rows. Six exploratory pits

were taken on the mausoleum area, which gave us a comprehensive view about its architecture. On the basis of analysis of its structure, squinch, burial box and building materials, taking into account the results of radiocarbon dating, it is safe to say that the mausoleum was built between XI and XIII cc. The more precise dating will be suggested after the completion of the excavations and additional studies. The monument is a first known underground two-chamber mausoleum in the territory of Kyrgyzstan. It is also unique for embodying both archaic and novel architectural-archaeological features and for nephrite plates, which were discovered in the second chamber.

Keywords: Central Asia, Kyrgyzstan, Middle Ages, An Underground Two-Chamber Mausoleum, Fired Brick, Arch, Squinch, Burial Box, Finds.

Введение

В 2017 г. при поддержке Турецкого управления по сотрудничеству и развитию при аппарате Премьер-министра Республики Турция (ТИКА), археологическим отрядом Кыргызско-Турецкого университета «Манас» под руководством профессора К.Ш. Табалдиева были начаты раскопки подземного архитектурного сооружения в местности Кёк-Таш (Көк-Таш) Кочкорской долины в Кыргызстане. Исследуемый памятник, впоследствии определенный как мавзолей, расположен в 3 км к северо-востоку от села Кум-Дёбё (Кум-Дөбө), у оросительного канала, сооруженного в советское время. Точные географические координаты объекта: N 42°14'22,7", E075°34'36.0".

Памятник получил свое название по одноименной местности, на которой он расположен и где местные жители неоднократно находили фрагменты керамики, покрытых голубой глазурью¹. Однако, забегаая вперед, отметим, что по результатам раскопок 2017 г., непосредственно в кладках стен изучаемого объекта кирпичей с голубым покрытием обнаружено не было.

Памятник был случайно открыт в 1988 г. местными жителями при выкапывании силосной ямы с помощью землеройной техники. По словам тогдашнего председателя местного колхоза А. Жооданбекова, при обнаружении жженных кирпичей и обнажении части какого-то архитектурного сооружения раскопочные работы были приостановлены. Но, судя по всему, в ходе уже проделанных работ часть купола была снесена и его кирпичи вместе с землей были свалены в кучу к северу от памятника. О факте обнаружения архитектурного объекта под землей было доложено вышестоящим органам. Только через несколько лет в 1991 г. памятник был осмотрен археологами К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым (Табалдыев, 2011: 146). Во время первичного обследования был обнаружен массивный камень с отверстием в центре, предположительно являвшийся подпяточным камнем. Однако, ввиду отсутствия финансовых средств, археологические раскопки на памятнике не были проведены.

¹ Название *Көк-Таш* в переводе на русский язык означает «синий (голубой) камень».

Археолого-архитектурный объект Кёк-Таш заново привлек к себе внимание специалистов и широкой общественности в 2010-2011 гг., когда неким жителем близлежащего села Ак-Джар (Ак-Жар) на памятнике были проведены незаконные, грабительские раскопки с применением землеройной техники. В результате, на месте памятника образовались большая куча земли вперемешку с жжеными кирпичами и их обломками и два грабительских лаза, один из которых, как показали дальнейшие археологические исследования, пришелся на западную стену первого помещения, а второй – на юго-восточный угол того же помещения. Особенно губительным оказался первый лаз, который разрушил большую часть западной стены первого помещения и часть юго-западного угла второго помещения. Кроме того, как нам представляется, в результате этих варварских работ почти полностью были снесены перекрытия обоих помещений сооружения.

Данный факт подтолкнул нас к активному поиску финансовых средств для проведения спасательных раскопочных работ. В 2015 г. с памятником были ознакомлены турецкие эксперты, которые рекомендовали ТИКА поддержать спасательно-исследовательские работы на данном объекте. Эта инициатива была одобрена руководством данной организации, и в 2017 г. начались археологические раскопки на многострадальном² памятнике Кёк-Таш.

Описание археологических раскопок

До начала археологических раскопок на месте памятника, который располагался в северной части силосной ямы, находились, как было отмечено выше, одна большая куча земли с жженым кирпичом и два грабительских лаза (Фото 1). По всей площади силосной ямы размером 5х36 м и за ее пределами были разбросаны жженные кирпичи и их фрагменты. Один из грабительских раскопов обнажил юго-восточный угол первого помещения и часть арочного проема. Кроме того, на западной стене силосной ямы виднелась частично сохранившаяся кладка из жженных кирпичей, которая являлась самой высокой сохранившейся точкой памятника, расположенной на глубине 95 см от современной дневной поверхности. На данном этапе исследования у нас не было уверенности в назначении, структуре и размерах исследуемого объекта, в связи с чем было принято решение вести раскопки методом сплошной зачистки до выявления основных контуров объекта.

² К сожалению, такую же участь разделяют десятки, если не сотни, археологических и архитектурных памятников на территории Кыргызской Республики.

Перед началом раскопок были собраны разбросанные на поверхности земли жженные кирпичи и просеяна куча земли, образовавшаяся в результате грабительского раскопа. В этой куче, помимо кирпичей и их фрагментов, были обнаружены два необработанных валуна с круглым отверстием в середине. Диаметр отверстий – 11-12 см, глубина – 5 см. Возможно, они служили в качестве подпяточных камней для фиксации вращающейся двери. На одном из валунов имеются выбитые изображения двух горных козлов и собаки, покрытые патиной, т.е. рисунки явно древнего происхождения.

На площади памятника был заложен раскоп размером 11x15 м. В процессе послойного снятия грунта на разных глубинах были обнаружены разбросанные по площади раскопа жженные кирпичи и их фрагменты, обломки глиняных сосудов, отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота, мелкие фрагменты ганча и камни³. Среди керамических изделий встречались отдельные экземпляры, покрытые голубой глазурью.

На глубине 1,5-2 м от современной дневной поверхности выявлены контуры стен архитектурного объекта, сооруженного из жженных кирпичей на глиняном растворе (Фото 2). Основным строительным материалом служили квадратные кирпичи размером 24,5x24,5x4,5 см, 25x25x4-4,5 см, 26,5x26,5x4,5 см, 27x27x4,5 см. Наряду с ними, видимо для соблюдения перевязки рядов кладки, использовались прямоугольные кирпичи половинного формата (13-14x26-27x4-4,5 см). Кроме того, в процессе раскопок встречены несколько (3-5) кирпичей «нестандартных» размеров (32,7-33x21,5-21,8x4,2-4,5 см). Однако непосредственно в сохранившихся кладке стен их зафиксировано не было. На лицевой стороне некоторых кирпичей отмечены отпечатки лап мелкого рогатого скота, собаки, коровы и, в одном случае, подошвы подростка, наступивших на них до обжига, видимо, во время сушки под солнцем. Кроме того, было обнаружено несколько пережженных кирпичей. Все это свидетельствует о том, что кирпичи изготавливались в непосредственной близости от постройки.

Объект представлял собой постройку, состоящую из двух лежащих на общей оси помещений: малого прямоугольного и большого квадратного. Стены их ориентированы по сторонам света. Квадратное помещение было перекрыто куполом, от которого местами сохранились только нижние ряды кладки. Диаметр основания купола, судя по сохранившейся кладке, составлял 5,2 м. Общая длина объекта – 9,5 м (С–Ю). Внутренние размеры прямоугольного помещения 2,4x4 м, толщина стен 50-55 см. Внешние размеры квадратного помещения – 6-6,3x6-6,3 м.

³ Подробное описание и анализ всех находок мы намерены дать в отдельной работе после завершения раскопок.

Поскольку в полевом сезоне 2017 г. не планировалось полностью вскрыть изучаемое архитектурное сооружение, то для установления его высоты и назначения было принято решение заложить несколько шурфов. Исходя из принципа симметрии на памятнике было заложено шесть шурфов, которые должны были дать достаточно полное представление о его структуре и назначении (Рис. 1).

Шурф 1 заложен в юго-восточной части памятника и имел целью вскрыть восточную половину фасада камеры 1, включая часть арочного проема, служившего входом в сооружение. Состав и твердость грунта у арочного проема отличались от состава и твердости грунта у фасада. Последний характеризуется как твердый песчано-щебенистый, с включением мелких и средних камней, в то время как грунт у арочного проема песчано-глинистый. В составе последнего на разных глубинах встречены крупные валуны и фрагменты дерева. Здесь же, у арочного проема, были обнаружены разбросанные кости человека: лучевая кость, фаланги пальцев, позвонок и фрагмент черепа. Раскоп доведен до глубины 2,3 м от верха арки входа. Каких-либо следов наличия фундамента не выявлено.

Кладка фасада выполнена из обломков жженных кирпичей, уложенных без соблюдения перевязки. Фасад неровный – его верхняя часть несколько (на 35-45 см) выступает над нижней частью.

Вход перекрыт клинчатой полой аркой из вертикально и фронтально поставленных кирпичей. В двух местах между кирпичами помещен кирпичный клин. Арочный проем заключен в прямоугольную нишу, которая заглублена в тело стены. Высота его составляет 1,9 м от кирпичного порога, являющегося продолжением пола прямоугольного помещения (Рис. 2).

Шурф 2 заложен внутри камеры 1 и имел целью вскрыть западную ее половину и часть арочных проемов, один из которых являлся внутренней частью входа в сооружение, а другой соединял первую камеру со второй. В процессе раскопок на разных глубинах встречены жженные кирпичи и их фрагменты, обломки глиняных и стеклянных сосудов, деревянные угольки, отдельные кости животных, мелкие и крупные фрагменты ганча. Некоторые керамические изделия имеют покрытие из голубой глазури. На глубине 2 м от верха арки обнаружен крупный фрагмент ганчевого блока длиной 39 см, шириной 15-19 см. В сечении он подтреугольной формы: две стороны его плоские, а одна – вогнутая. Состав извлеченного грунта глинистый, без примеси песка и гравия.

На глубине 2,4 м от верха арки зачищен пол, вымощенный жжеными кирпичами в два слоя (Рис. 3; Фото 3). Эти слои скреплены между собой с помощью глиняного раствора толщиной 2-2,5 см. Основным строительный материал пола – квадратный кирпич размером 25,5x25,5x4 см. Наряду с ним, видимо, для соблюдения «перевязки», использованы прямоугольные кирпичи половинного формата (12-12,5x25,5x4 см). Кирпичи пола, в отличие от кирпичей стен, отшлифованы, в результате чего имеют ровные грани. Некоторые кирпичи пола у западной стены разобраны, возможно, в ходе грабительских раскопов 2010-2011 гг. В результате этих же действий пострадала часть западной стены камеры 1.

На полу у западной стены были зачищены кости собаки, расположенные не в анатомическом порядке. Поскольку они находились на месте грабительского лаза, то, возможно, это кости современной собаки.

Внутренние стены камеры 1 ровной кирпичной кладки, выполненной цепной перевязкой швов. Внутренняя арка над входом, заглубленная на несколько сантиметров в тело стены, сложена клинчатой кладкой. Пяточный кирпич арки, являющийся горизонтальным, расположен на высоте 106 см от пола. Над ним помещен кирпичный клин, выше которого кирпичи лежат наклонно. Арка снаружи обведена одним рядом плашмя положенных кирпичей, отделяющих ее от кладки стен (Рис. 4; Фото 4).

Шурф 3 заложен в юго-восточном секторе камеры 2. В процессе снятия грунта на разных глубинах были обнаружены жженные кирпичи и их фрагменты, глиняные черепки, обломки деревянных балок, отдельные экземпляры которых имели следы огня, железные гвозди конусовидной формы с шляпкой (Рис. 5), фрагменты ганча, отдельные кости животных. На поверхности одного из кирпичей имелись отпечатки подошвы ноги подростка. Ближе к полу была найдена зеленая бусина диаметром 7-8 мм, со сквозным отверстием для продевания нитки. Самыми примечательными находками оказались нефритовые блюдца (12 ед.) (Рис. 6; Фото 5), найденные на полу у западной стенки шурфа, т.е. в середине южной половины камеры 2, у арочного проема. Примерно 10 см выше этих находок был найден фрагмент крупной керамики с остатками голубой глазури на одной из сторон. Состав извлеченного из этого сектора грунта глинистый, без примеси песка и гравия.

В юго-восточном углу сектора (камера 2) вскрыто подкупольное устройство – троп, служивший для поддержания купола над углами квадратного помещения. Он состоит из перекинутой через угол стрельчатой арки с внутренним заполнением в виде вставленных одна в другую и уменьшающихся по направлению к углу 14

эллипсоидных арок. В шипце глубинной арочки имеется кладка из трех кирпичей, поставленных плашмя (Рис. 7). Острые грани кирпичей арок тромпа стесаны, видимо, для того чтобы, избежать возможных травм при ударе о них головой. В специальной литературе тромп, состоящий из вставленных одна в другую арок, известен под названием перспективно-ступенчатого или перспективно-арочного.

Тромп не выделен в отдельный ярус, а втоплен в тело четверика. Он опирается на стену высотой всего 90 см от пола (Рис. 8). Высота тромпа – 140 см. Высота восточной стены четверика от пола до основания купола – 2,4 м.

Над тромпом, через один ряд горизонтально уложенных кирпичей, сохранились нижние ряды кладки купола (Фото 6). Судя по ним, купол выложен кольцевыми рядами, в которых кирпичи лежат наклонно. Здесь использован тот же кирпич и раствор, что и в кладках стен. В некоторых местах в швах кладки купола сохранились следы промазки ганчем.

Тромп сбоку примыкает к арке проема, соединяющего первую камеру со второй. Арка сохранилась частично. Она сложена таким же образом, как внутренняя арка входного проема. Пяточный кирпич арки лежит на высоте 107 см от пола.

На глубине 2,3 м от верха арки тромпа зачищен пол, вымощенный жжеными кирпичами в два слоя (Рис. 9). Между слоями кирпичей имеется глиняный раствор толщиной в 2 см. Здесь также кирпичи двух форматов: квадратные размером 25,5-26х25,5-26х4 см и прямоугольные размером 12,5-12,7х25,5х4 см. Все кирпичи пола отшлифованы и имеют ровные грани.

Шурф 4 заложен в северо-западном секторе камеры 2. В ходе послойного снятия грунта на разных глубинах обнаружены жженные кирпичи и их фрагменты, глиняные черепки, фрагмент бронзовой пластинки с бортиками, обрывок кожи размером 20х25 см. На северо-западном углу сектора вскрыт переброшенный через угол тромп со стрельчатой аркой. Однако грунт в пазухе тромпа снят не был. Исходя из принципа симметрии, можно полагать, что заполнение тромпа также представлено перспективно-ступенчатыми арочками.

Тромп втоплен в тело четверика и опирается на стену высотой 90-91 см от пола. Высота тромпа – 139-140 см. Высота западной стены второй камеры – 2,4 м.

На глубине 1,4 м от верха арки тромпа, у северной стены обнаружен череп молодого человека (подростка ?) в перевернутом виде. На этом же уровне зачищена верхняя кладка прямоугольного погребального ящика с округлыми углами. Как показали результаты дальнейших раскопок, ящик был сооружен из прямоугольных

жженных кирпичей на ганчевом растворе прямо на полу (Фото 7). Как снаружи, так и изнутри ящик оштукатурен тонким слоем ганча. Каких-либо следов перекрытия ящика зафиксировано не было. На верхнем уровне ящика обнаружены обломки толстостенных и тонкостенных глиняных сосудов, отдельные кости крупного скота, фрагменты ганча и мелкие камни. Размеры кирпичей ящика 13-13,2x27x4,3-4,5 см. Сохранившаяся высота ящика – 73-94 см, ширина (снаружи) – 155-159 см.

Данным шурфом вскрыта западная половина погребального ящика, а восточная половина находится в северо-восточном секторе, не затронутом раскопом в полевом сезоне 2017 г. Ящик длинными сторонами ориентирован по линии В-3 и расположен в середине северной половины камеры 2 (Рис. 10).

На глубине 2,3 м от верха арки тротуара зачищен пол, вымощенный жженым кирпичом в два слоя. Размер кирпичей – 25,5x25,5x4 см и 7,5-8x25,5x4 см. Все они отшлифованы и имеют ровные грани. На высоте 15-18 см от пола у погребального ящика было зафиксировано 3 человеческих позвонка.

Шурф 5 заложен у восточного фасада, на месте соединения первой камеры со второй (Фото 8). Грунт очень твердый, а состав характеризуется как песчано-щебенистый, с включением мелких и средних камней. Раскоп доведен до глубины 3,3-3,5 м от сохранившейся высоты стены. Каких-либо следов наличия фундамента не выявлено. Находок нет.

Шурф 5 показал, что кладка фасада выполнена из обломков кирпичей, поставленных без какой-либо системы и перевязки, отчего фасад имеет неровную поверхность.

Шурф 6 заложен в северо-восточном углу камеры 2, у ее внешних стен. Состав и твердость грунта так же как в предыдущем шурфе. Шурф доведен до глубины 2,5 м от сохранившейся высоты стены. Внешние стены сложены из обломков жженных кирпичей, без какой-либо системы и имеют неровную поверхность. Находок нет.

Аналогии и гипотезы

Археологические раскопки полевого сезона 2017 г. показали, что перед нами двухкамерный мавзолей, сооруженный под землей (Рис. 10). Судя по разбросанным костям человека, обнаруженным в разных частях мавзолея, погребение подвергалось разграблению и (или) осквернению. Однако окончательные выводы на этот счет могут быть сделаны только после вскрытия погребального ящика.

О том, что мавзолей изначально был сооружен под землей, а не оказался там вследствие постепенного повышения уровня земли, свидетельствует ряд фактов.

Несостоятельно мнение, что мавзолей был скрыт под землей в результате селевых потоков или иных природных катаклизмов. В стенах его отсутствуют какие-либо трещины или иные повреждения и следы деформации, которые подтверждали бы такое предположение.

Грунт у внешних стен мавзолея, судя по его составу и твердости, можно охарактеризовать как материк, т.е. не тронутый человеком и, соответственно, не содержащий каких-либо следов человеческой деятельности. Ни одной находки не было сделано за пределами мавзолея, в том числе и в заложенных шурфах у внешних стен. Но, пожалуй, самым красноречивым свидетельством того, что мавзолей был сооружен в заранее вырытом котловане, является неровная поверхность внешних стен, кладка которых выполнена из обломков кирпичей без соблюдения перевязки и рядов. Очевидно, таким образом закладывалось пространство между ровными внутренними стенами и стенками котлована. Все это говорит о том, что мавзолей изначально был построен под землей и, соответственно, был рассчитан на обозрение изнутри.

Сооружение мавзолея под землей – известное явление в средневековой архитектуре Средней Азии. Так, например, в Таджикистане был найден подземный однокамерный мавзолей-склеп, построенный из квадратных жженных кирпичей (25x25x4-5 см). Свод его, согласно приведенным данным, был приподнят над землей и был оформлен снаружи прямоугольным возвышением. Памятник датирован XI-XII вв. (Хмельницкий, 1996: 240–242).

Еще, по крайней мере, два подземных мавзолея известны в Туркестане, близ архитектурного комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви. Более полные сведения имеются об одном из них. Известно, что купол его был зафиксирован на глубине 2 м от современной поверхности. На основании этого можно предположить, что он являлся полностью подземным, хотя авторы почему-то считают, что у объекта была и надземная часть. Памятник представлял собой однокамерное сооружение из жженных кирпичей размером 25-26x25-26x5-6 см. Судя по найденным в нем погребениям, он являлся семейной усыпальницей. Мавзолей был отнесен к XVI-XVIII вв. (Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977: 59–72).

Мавзолей Кёк-Таш пополняет немногочисленную группу подземных мусульманских усыпальниц, известных в Средней Азии. Поскольку купол не сохранился, то нам сложно сказать, на какой глубине находилась его вершина. Возможно, что его купол, судя по сохранившейся высшей точке мавзолея (юго-западный угол второй камеры), несколько выступал над землей, как свод

Саритальского мавзолея-склепа. Для обоснованного ответа на этот и другие вопросы необходимы дополнительные исследования.

Еще одной особенностью мавзолея Кёк-Таш является его двухкамерная структура. Он, как было уже отмечено, состоит из лежащих на общей оси прямоугольного вестибюля и квадратной усыпальницы единовременного строительства. Появление таких мавзолеев в Средней Азии связывается исследователями с распространением суфизма с его культом могил. Поскольку ислам запрещал молиться на могиле человека, то для обрядов поминовения стали воздвигать отдельное помещение, примыкающее к усыпальнице (Бородина, 1974: 127; Маньковская, 1983: 40; Хмельницкий, 1996: 70). Первое помещение, известное как *зиаретхана*, являлось поминальной мечетью и, как правило, имело михраб – нишу, указывающую на Мекку; второе же помещение, обозначенное термином *гурхана*, являлось, собственно усыпальницей. Такие двухкамерные мавзолеи, по мнению знатоков средневековой архитектуры Средней Азии, распространяются в послемонгольское время (Маньковская, 1983: 43; Бородина, 1974: 106).

Однако в прямоугольном помещении Кёкташского мавзолея отсутствует михраб, что не позволяет видеть в нем поминальную мечеть. Кроме того, в отличие от «классических» двухкамерных мавзолеев послемонгольского времени, первое помещение рассматриваемого памятника значительно меньше, чем второе. Судя по его прямоугольному плану оно не перекрывалось куполом, что также отличает мавзолей Кёк-Таш от вышеназванных памятников.

Наиболее близкие, но не идентичные, аналогии по планировке имеются в памятниках XI-XII вв. Именно в это время, по мнению ученых, появляются первые двухкамерные мавзолеи, образованные путем пристройки нового помещения к существующей усыпальнице (Хмельницкий, 1996: 70). Эти памятники имеют меньшее прямоугольное или квадратное входное помещение и большее квадратное помещение, в котором находилось само погребение.

Руины одного из таких мавзолеев сохранились в Мерве в Туркменистане. Он был построен из сырца на цоколе из жженных кирпичей размером 24-24,5x24-24,5x4-5 см. Мавзолей состоит из двух квадратных камер, сдвинутых с общей оси. Интересно, что сохранившиеся подкупольные устройства памятника представлены перспективно-арочными tromps. Думается, что датировка мавзолея С.Б. Луниной XIV-XV вв. вызвала справедливую критику С. Хмельницкого, который отнес его к XI-XII вв. (Лунина, 1974: 211–223; Хмельницкий, 1996: 247–248).

Другой двухкамерный мавзолей, построенный из пахсы и сырца, расположен близ селения Задан в Афганистане и носит название Абу-Хурейра – по имени сподвижника пророка Мухаммада. Он состоит из прямоугольного вестибюля со сводчатым порталом на южной стороне и квадратной купольной усыпальницы, ориентированных по сторонам света. Мавзолей отнесен к первой половине XI в. (Хмельницкий, 1996: 238–239).

Еще один двухкамерный мавзолей, также сооруженный из пахсы и сырца, известен под названием Саид Ходжа на юге Таджикистана. Он состоит из прямоугольного и квадратного помещений, ориентированных по сторонам света. Первое помещение, судя по михрабу на западной стене, служило поминальной мечетью, а второе – усыпальницей. Интересно, что нижние кладки свода квадратного помещения представляют собой перспективно сокращающиеся арочки, которые напоминают аналогичной конструкции тромпы. Исходя из положения, что двухкамерные мавзолеи распространяются после XIII в., авторы датируют изученный ими памятник в широких хронологических рамках – от XII-XIII вв. до XVI в. Кроме того, по их мнению, помещения мавзолея разновременные – прямоугольная мечеть была позже пристроена к квадратной усыпальнице (Мухтаров, Хмельницкий, 1978: 71–74). Однако приведенные авторами аргументы для таких выводов представляются нам не совсем убедительными. Очевидно, что для более обоснованных заключений требуются дополнительные исследования.

Все три вышеперечисленных памятника, сооруженных из сырца и пахсы, представляют собой, по мнению специалистов, первые двухкамерные мавзолеи и, в целом, датируются XI-XII вв. У них, в отличие от двухкамерных мавзолеев послемонгольского времени, усыпальница всегда больше, чем входное помещение. Последнее, только в одном случае из трех, имеет михраб в западной стене. В двух случаях подкупольные конструкции представлены перспективно-ступенчатыми тромпами. Сырцовые и жженые кирпичи из стен, полов и цоколя вышеприведенных мавзолеев квадратного формата размером 24-30x24-30x4-6 см. Все это позволяет отнести изучаемый нами памятник Кёк-Таш в круг этих первых двухкамерных мавзолеев.

Судя по данным третьего и четвертого шурфов в юго-восточном и северо-западном секторах камеры 2, купол мавзолея Кёк-Таш опирался на восьмигранник, образованный из переброшенных через углы четверика перспективно-ступенчатых тромпов. Такие подкупольные устройства встречаются уже в ранних купольных и сводчатых помещениях Средней Азии. Так, например, тромп, состоящий из трех

перспективно сокращающихся арок, отмечен под сводом галереи замка Мунчак-Тепе, датирующегося III-IV вв. н.э. (Воронина, 1953: 21, Рис. 21).

Наиболее часто такие подкупольные устройства встречаются в раннесредневековых архитектурных сооружениях. Среди них, прежде всего, следует упомянуть тромпы в квадратных помещениях цитадели городища Баба-Ата в Казахстане, мавзолея Ходжа Рошнаи и буддийского храма Калаи-Кафирниган в Таджикистане (Байпаков, 2012: 242, Табл. 54, 3; Литвинский, 1980: 132; Хмельницкий, 1992: 177). Во всех трех случаях тромпы не выделены в отдельный ярус, а встроены в тело стены или купола. Их основание расположено на высоте 0,4-1 м от пола. Этот же архитектурный прием, как описано выше, обнаружен и в мавзолее Кёк-Таш. Однако здесь его применение, как нам представляется, не является данью традиции, а связано со стремлением построить подземный мавзолей небольшой высоты.

Перспективно-арочные тромпы встречаются и в раннесредневековых памятниках Семиречья. Так, некоторые квадратные помещения Краснореченских наусов сохранили подкупольные устройства, как пишет автор публикации, «в виде примитивных тромпов, не выделенных в единый ярус, а вкомпонованных в оболочку купола» (Горячева, 1989: 88). Действительно, тромпы эти состоят, как и вышеотмеченные калаикафирниганские, из 2-3 перспективных арок без определенной формы и грубой кладки. Более стройными и близкими по форме Кёкташским тромпам выглядят арочки тромпа помещения в замке городища Луговое А (Байпаков, Горячева, 1999: Табл. 105, 2).

Тромпы рассматриваемого типа в купольных сооружениях XI-XII вв. встречаются достаточно редко (Хмельницкий, 1996: 223–224; Хмельницкий, 1997: 166–167). Их арочки не эллипсоидной формы, как в предшествующее время, а стрельчатой, что также характерно и для формы арок проемов. Интересно, что в Кёкташском мавзолее присутствуют обе формы: арки проема и арки, переброшенные через углы четверика стрельчатой формы, в то время как арочки, заполняющие пазухи тромпа, эллипсоидного очертания.

В архитектурных памятниках Кыргызстана IX-XII вв. встречаются перспективно-ступенчатые тромпы, как выражается С. Хмельницкий, в «модернизированном» варианте (Хмельницкий, 1992: 49). Речь идет о подкупольных устройствах квадратных помещений караван-сарая Чалдывар и Южного Узгенского мавзолея (Хмельницкий, 1996: 172, 313). Здесь пазухи тромпов только частично заполнены ступенчато сокращающимися арочками, а центральная их часть представлена или в виде консольной выемки (Чалдывар), или в виде сомкнутого свода (Южный Узгенский мавзолей).

На фоне всех вышеприведенных аналогий и примеров наличие перспективно-ступенчатого трюпа с эллипсоидными арочками в мавзолее Кёк-Таш выглядит несколько архаичным.

В эту же категорию «архаичностей», на наш взгляд, следует отнести ориентировку погребального ящика с длинными сторонами по направлению В-З. Известно, что мусульманские могильные ямы обычно ориентированы по линии С-Ю, как, например, погребения Буранинских, Узгенских мавзолеев и Гумбега Манаса (Бернштам, 1950: 103; Горячева, 1983: 38, 41, 83, 84). Однако в городских некрополях Средней Азии встречаются мусульманские кирпичные погребальные ящики, ориентированные длинными сторонами по линии В-З, иногда с некоторыми отклонениями на С. В целом, они датируются IX–XIV вв. (Абдуллоев, 2010: 200–208). Очевидно, кёкташское погребение следует отнести в круг этих памятников, несмотря на то, что последние представляют собой, строго говоря, не погребальные ящики, а подземные или полуподземные могильные ямы, обложенные сырцовыми и (или) жжеными кирпичами. Подробнее об этом можно будет говорить лишь после вскрытия погребального ящика исследуемого мавзолея.

Хотя формат кирпича, судя по многочисленным примерам, не может служить четким хронологическим индикатором, тем не менее, мы позволим себе привести в качестве аналогии формат кирпичей, обнаруженных на постройках городища Бурана, которое находится недалеко от мавзолея Кёк-Таш. Так, восьмигранный цоколь и цилиндрическое тело башни Бурана были сооружены квадратным жженым кирпичом размером 23,5-25х23,5-25х4-4,5 см, 27,5х27,5х5 см (Иманкулов, Конкобаев, 2014: 87). В руинах известных мавзолеев встречаются кирпичи размером 23-26х23-26х4-5 см (Аманбаева, Кольченко, Сатаев, 2013: 72–73). Квадратные жженные кирпичи со сторонами 27 см, толщиной 4,5-5 см отмечены в развалинах мечети (Хмельницкий, 1996: 120–121; Иманкулов, Конкобаев, 2014: 75). В помещении усадьбы на городище Бурана был зачищен пол, вымощенный жжеными кирпичами размером 25х25х4,5 см (Горячева, 1983: 51). Все эти постройки, как и городище в целом, датируются XI–XII вв.

После того, как данная статья была написана, мы получили результаты радиоуглеродного анализа образца человеческого черепа из мавзолея Кёк-Таш. Согласно этому анализу, отмеченный череп относится к человеку, умершему между 1264 и 1300 гг. (с вероятностью 91,4 %). Соответственно, время сооружения мавзолея следует определить в рамках данных хронологических границ. Это несколько позже, чем дата, полученная методом аналогии (XI–XII вв.). Поскольку у нас нет полной

уверенности в том, что найденный во второй камере череп относится к человеку, в честь которого и был сооружен мавзолей (напомним, что погребальный ящик еще не вскрыт), то мы пока воздерживаемся от признания результатов радиоуглеродного датирования в качестве даты сооружения мавзолея, хотя, в таком признании, не было бы ничего невероятного. Как бы то ни было, на данном этапе исследования можно с уверенностью сказать, что время сооружения мавзолея укладывается в хронологические рамки между XI и XIII вв.

В завершение несколько слов об исторической локализации изучаемого памятника. В 3-4 км к юго-западу от мавзолея Кёк-Таш, в селе Кум-Дёбё и в его окрестностях часто встречаются фрагменты и целые экземпляры глиняных, стеклянных и металлических изделий караханидского облика, что свидетельствует о бытовании здесь крупного поселения. Ряд исследователей, опираясь на свидетельства письменных источников и на археологические находки, полагает, что на территории городища Кум-Дёбё в период существования Караханидского каганата располагался город Кочнар-Баши, упоминаемый в известном труде Махмуда Кашгари (Табалдыев, 2011: 146–147; Асанов, 2017: 173–179; Солтобаев, 2017: 148–149). И действительно, на «всемирной» карте великого тюркского учёного между Барсганом и Баласагуном указан город Кочнар-Баши (Махмуд ал-Кашгари, 2005: цветная вставка между стр. 68 и 69). Кроме того, автор приводит ряд географических данных, позволяющих локализовать упоминаемый город в Кочкорской долине. Так, Кашгари пишет, что «Сидиң кул – название озера, находящегося вблизи Кужнар баши» (Там же: 1015). Также он отмечает, что «Занби арт – название горного прохода между Кужнар Баши и Баласагун» (Там же: 1070). По мнению известных востоковедов, горный проход *Занби арт* следует отождествлять с перевалом Шамшы (Бартольд, 1968: 70; Караев, 1983: 227), соединяющего Чуйскую долину с Кочкорской. В таком случае вполне возможно, что город Кочнар-Баши располагался на территории современной Кочкорской долины, в районе городища Кум-Дёбё. Можно предполагать, что в мавзолее Кёк-Таш похоронен уроженец этого города, основателем и основным населением которого, судя по его названию, были тюркские племена.

Интересное для нашего исследования сообщение содержится и в труде Зайн ал-ахбар Абу Саида Гардизи, написанном в середине XI в. В нем отмечается, что караханид Харун Богра-хан умер в местности Кочкар-баши по дороге из Бухары в Кашгар (Бартольд, 1964: 507). Думается, что тщательное изучение пути следования Харуна, в сравнении с данными других источников, позволит пролить свет на локализацию упоминаемой местности.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить время сооружения мавзолея Кёк-Таш в рамках XI-XIII вв. Более точная датировка будет предложена после завершения раскопок и дополнительных исследований, в том числе, радиоуглеродного анализа костей из погребального ящика, если, конечно, таковые будут найдены. В любом случае, несомненно, что перед нами первый известный на территории Кыргызстана двухкамерный мавзолей, изначально сооруженный под землей. Мавзолей интересен еще и тем, что включает в себя ряд архаических и новых для своей эпохи признаков, детальные исследования которых позволят понять его место и роль в истории сложения и развития мусульманской архитектуры в Кыргызстане.

Благодаря поддержке ТИКА археологическим отрядом Кыргызско-Турецкого университета «Манас» раскопки и исследования мавзолея будут продолжены. После завершения раскопок, в соответствии с Законом КР «Об охране и использовании историко-культурного наследия», планируется провести консервационные работы, первый этап которых (Фото 9) был успешно выполнен в конце полевого сезона 2017 г.

Благодарности. Археологические раскопки на мавзолее Кёк-Таш осуществлены в рамках совместного проекта Турецкого управления по сотрудничеству и развитию при аппарате Премьер-министра Республики Турция (ТИКА) и Кыргызско-Турецкого университета «Манас». В полевых работах принимали участие студенты исторического отделения Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и жители села Кум-Дёбё. Сотрудниками отдела инженерных изысканий и специальных методов исследований ООО «Компания ВНИИСМИ» В.В. Андрющенко и П.Л. Воровским было выполнено инженерно-геофизическое обследование территории мавзолея. Радиоуглеродный анализ проводился в лаборатории музея Токийского университета (ТКА-19157) под руководством профессора Минуру Йонеда (Minoru Yoneda). Данный анализ стал возможным благодаря научному сотрудничеству Кыргызско-Турецкого университета «Манас» с университетом Токио. Большую помощь в организации полевых работ оказал местный энтузиаст К. Конурбаев. Авторы выражают глубокую благодарность всем перечисленным организациям и людям за их вклад в исследовании и сохранении историко-культурного наследия Кыргызстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллоев Д. (2010). Этапы перехода к мусульманскому погребальному обряду в Средней Азии // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. № 5. С. 200–210.
- Аманбаева Б., Кольченко В., Сатаев К. (2013). Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Том IV: Архитектура. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ. С. 55–91.
- Асанов Т.И. (2017). Кочкор-башы карахан түрктөрүнүн шаары // Эпоха Юсуфа Баласагуни: история, литература, материальная культура: межд. науч. конф. посвящ. 1000-летию Юсуфа Баласагуни. 17–18 ноября 2016 года. Бишкек: Институт истории и культурного наследия НАН КР. Б. 173–179.
- Байпаков К.М. (2012). Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд: МИЦАИ. 284 с.
- Байпаков К.М., Горячева В.Д. (1999). Семиречье // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука. С. 151–162.
- Бартольд В.В. (1964). Сочинения. Т. II, часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Москва: Наука. 658 с.
- Бартольд В.В. (1968). Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Москва: Наука. 758 с.
- Бернштам А.Н. (1950). Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 146 с.
- Бородина И.Ф. (1974). Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X-XV вв. // Архитектурное наследие. № 22. С. 117–127.
- Воронина В. (1953). Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследие. № 3. С. 3–35.
- Горячева В.Д. (1983). Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе: Илим. 197 с.
- Горячева В.Д. (1989). Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе: Илим. С. 85–95.
- Ерзакович Л.Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. (1977). Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука. С. 59–72.
- Иманкулов Ж., Конкобаев К. (2014). Архитектура Туркестана эпохи Караханидов (историко-теоретическое исследование). Анкара: Курултай по Инженерии, Архитектуре и Градостроительству Тюркского Мира. 347 с.
- Караев О. (1983). История Караханидского каганата (X – начала XIII вв.). Фрунзе: Илим. 302 с.
- Литвинский Б.А. (1980). Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во «Дониш». Вып. XV. С. 120–146.
- Лунина С.Б. (1974). Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во «Ылым». Том XV. С. 182–230.
- Маньковская Л.Ю. (1983). Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. С. 30–48.
- Махмуд ал-Кашгари, (2005). Диван Лугат ат-Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс. 1288 с.
- Мухтаров А., Хмельницкий С.Г. (1978). Средневековое зодчество Кабадиана // По следам древних культур Таджикистана. Душанбе: Изд-во «Ирфон». С. 55–87.
- Солтобаев О.А. (2017). Байыркы Кочкор-Башы шаары // Арноо: Көрүнүктүү кыргыз таанучу, профессор Юлий Сергеевич Худяковдун 70 жылдыгына арналган илимий жыйнак. Бишкек: «Турар» басмасы. С. 147–160.
- Табалдыев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: Изд-во V.R.S. Company. 2011. 320 с.
- Хмельницкий С. (1992). Между Арабами и Тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига: Изд-во «Continent Ltd.». 342 с.
- Хмельницкий С. (1996). Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига: «GAMAJUN». 336 с.
- Хмельницкий С. (1997). Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига: «GAMAJUN». 232 с.

KAYNAKÇA

- Abdulloev, D. (2010). Etapy perekhoda k musul'manskomu pogrebal'nomu obryadu v Srednei Azii. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* (Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the RAS). Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., no. 5, pp. 200–210. (in Russian).
- Amanbaeva, B., Kol'chenko, V., Sataev, K. (2013). Kyrgyzstan. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana IX-XV vv.* (The Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th Centuries), vol. IV: Architecture. Samarkand-Tashkent: IICAS, pp. 55–91. (in Russian).
- Asanov, T.I. (2017). Kochkor-bashy karakhan türktörünüün shaary. *Epokha Yusufa Balasaguni: istoriya, literatura, material'naya kul'tura: mezhd. nauch. konf. posvyashch. 1000-letiyu Yusufa Balasaguni. 17–18 noyabrya 2016 goda* (The Epoch of Yusuf Balasaguni: History, Literature, Material Culture: Internat. Scint. Conf. Dedic. to 1000 Anniversary of Yusuf Balasaguni). Bishkek: Institute of History and Cultural Heritage of the NAS KR, pp. 173–179. (in Kyrgyz).
- Baipakov, K.M. (2012). *Islamskaya arkheologicheskaya arkhitektura i arkheologiya Kazakhstana* (Islamic Archaeological Architecture and Archaeology of Kazakhstan). Almaty-Samarkand: IICAS, 284 p. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Goryacheva, V.D. (1999). Semirech'e. *Arkheologiya. Srednyaya Aziya i Dal'nii Vostok v epokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e* (Archaeology. Central Asia and the Far East in the Early Middle Ages). Moscow: Nauka Publ., pp. 151–162. (in Russian).
- Bartol'd, V.V. (1964). *Sochineniya. T. II, chast' 2. Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednei Azii* (Essays. Vol. II, iss. 2. Works on different issues of the Central Asia history). Moscow: Nauka Publ., 658 p. (in Russian).
- Bartol'd, V.V. (1968). *Sochineniya. T. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* (Essays. Vol. V. Works on History and Philology of the Turkish and Mongolian People). Moscow: Nauka Publ., 758 p. (in Russian).
- Bernshtam, A.N. (1950). *Arkhiturnye pamyatniki Kirgizii* (Architectural Monuments of Kyrgyzstan). Moscow-Leningrad: AS USSR Publ., 146 p. (in Russian).
- Borodina I.F. (1974). Osobennosti formirovaniya memorial'nykh sooruzhenii Srednei Azii X-XV vv. *Arkhiturnoe nasledstvo* (Architectural Heritage), no. 22, pp. 117–127. (in Russian).
- Erzakovich, L.B., Nurmukhanbetov, B., Ordabaev, A. (1977). Podzemnoe pogrebal'noe sooruzhenie v Turkestane. *Arkheologicheskie issledovaniya v Otrare* (Archaeological Researches in Otrar). Alma-Ata: Nauka Publ., pp. 59–72. (in Russian).
- Goryacheva, V.D. (1983). *Srednevekovye gorodskie tsenry i arkhiturnye ansampli Kirgizii (Burana, Uzen, Safid-Bulan)* (Medieval City Centers and Architectural Ensembles of Kyrgyzstan (Burana, Uzen, Safid-Bulan)). Frunze: Ilim Publ., 197 p. (in Russian).
- Goryacheva, V.D. (1989). Nausy nekropolya Krasnorechenskogo gorodishcha. *Krasnaya Rechka i Burana* (Krasnaya Rechka and Burana). Frunze: Ilim Publ., pp. 85–95. (in Russian).
- Imankulov, Zh., Konkobaev, K. (2014). *Arkhiturnaya Turkestana epokhi Karakhanidov (istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* (Architecture of Turkestan in the Karakhanids Epoch (Historical-Theoretical Researches)). Ankara: Union of Turkish World Architects and Engineers, 347 p. (in Russian).
- Karaev, O. (1983). *Istoriya Karakhanidskogo kaganata (X – nachala XIII vv.)* (History of Karakhanids Khaganate (X – beginnings of the XIII cc.)). Frunze: Ilim Publ., 302 p. (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. (1992). *Mezhdü Arabami i Tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Srednei Azii* (Between Arabs and Turks. Early Islamic Architecture of Central Asia). Berlin-Riga: "Continent Ltd." Publ., 342 p. (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. (1996). *Mezhdü Samanidami i Mongolami. Arkhiturnaya Srednei Azii XI – nachala XIII vv. Chast' I* (Between Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia in the XI – beginnings of the XIII cc. Part I). Berlin-Riga: "GAMAJUN" Publ., 336 p. (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. (1997). *Mezhdü Samanidami i Mongolami. Arkhiturnaya Srednei Azii XI – nachala XIII vv. Chast' II* (Between Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia in the XI – beginnings of the XIII cc. Part II). Berlin-Riga: "GAMAJUN" Publ., 232 p. (in Russian).
- Litvinskii B.A. (1980). Kalai Kafirmigan (raskopki 1975 g.). *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* (Archaeological Works in Tajikistan). Dushanbe: "Donish" Publ., iss. XV, pp. 120–146. (in Russian).
- Lunina, S.B. (1974). Istoricheskaya topografiya zapadnoi chasti rabada srednevekovogo Merva. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* (Transactions of the Southern-Turkmenistan Archaeological Complex Expedition). Ashkhabad: "Ylym" Publ., vol. XV, pp. 182–230. (in Russian).
- Man'kovskaya, L.Yu. (1983). Memorial'noe zodchestvo Srednei Azii. *Khudozhestvennaya kul'tura Srednei Azii. IX–XIII veka* (The Artistic Culture of Central Asia. IX–XIIIth centuries). Tashkent: Literature and Art Publ., pp. 30–48. (in Russian).

- Makhmud al-Kashgari, (2005). *Divan Lugat at-Turk* (Divan Lugat at-Turk). Trans., foreword and commentaries by Z.-A. M. Auezova. Almaty: Daik-Press Publ., 1288 p. (in Russian).
- Mukhtarov, A., Khmel'nitskii, S.G. (1978). Srednevekovoe zodchestvo Kabadiana. *Po sledam drevnikh kul'tur Tadzhikistana* (In the Footsteps of Ancient Cultures of Tajikistan). Dushanbe: "Irfon" Publ., pp. 55–87. (in Russian).
- Soltobaev, O.A. (2017). Baiyrky Kochkor-Bashy shaary. *Arnoo: Körünüktüü kyrgyz taanuchu, professor Yulii Sergeevich Khudyakovdun 70 zhyldygyna arnalgan ilimii zhyinak* (Tribute: For the 70th Anniversary of the Outstanding Kyrgyzologist, Professor Yulii Sergeevich Khudyakov). Bishkek: "Turar" Publ., pp. 147–160. (in Kyrgyz).
- Tabaldyev, K.Sh. (2011). *Drevnie pamyatniki Tyan'-Shanya* (Ancient Monuments of Tien Shan). Bishkek: V.R.S. Company Publ., 2011, 320 s. (in Russian).
- Voronina, V. (1953). Drevnyaya stroitel'naya tekhnika Srednei Azii. *Arkhitekturnoe nasledstvo* (Architectural Heritage), no. 3, pp. 3–35. (in Russian).

Фото 1. Место расположения мавзолея Кёк-Таш. Кочкорская долина.

Фото 2. Верхняя сохранившаяся часть мавзолея Кёк-Таш.

Фото 3. Вымощенный жжеными кирпичами пол камеры 1.

Фото 4. Западная половина камеры 1. Шурф 2.

Фото 5. Нефритовые блюда. В положении *in situ*.

Фото 6. Остатки купола над тропом. Камера 2.

Фото 7. Западная половина погребального ящика. Северо-западный сектор камеры 2.

Фото 8. Восточный фасад мавзолея Кёк-Таш.

Фото 9. Металлический навес над мавзолеем Кёк-Таш.

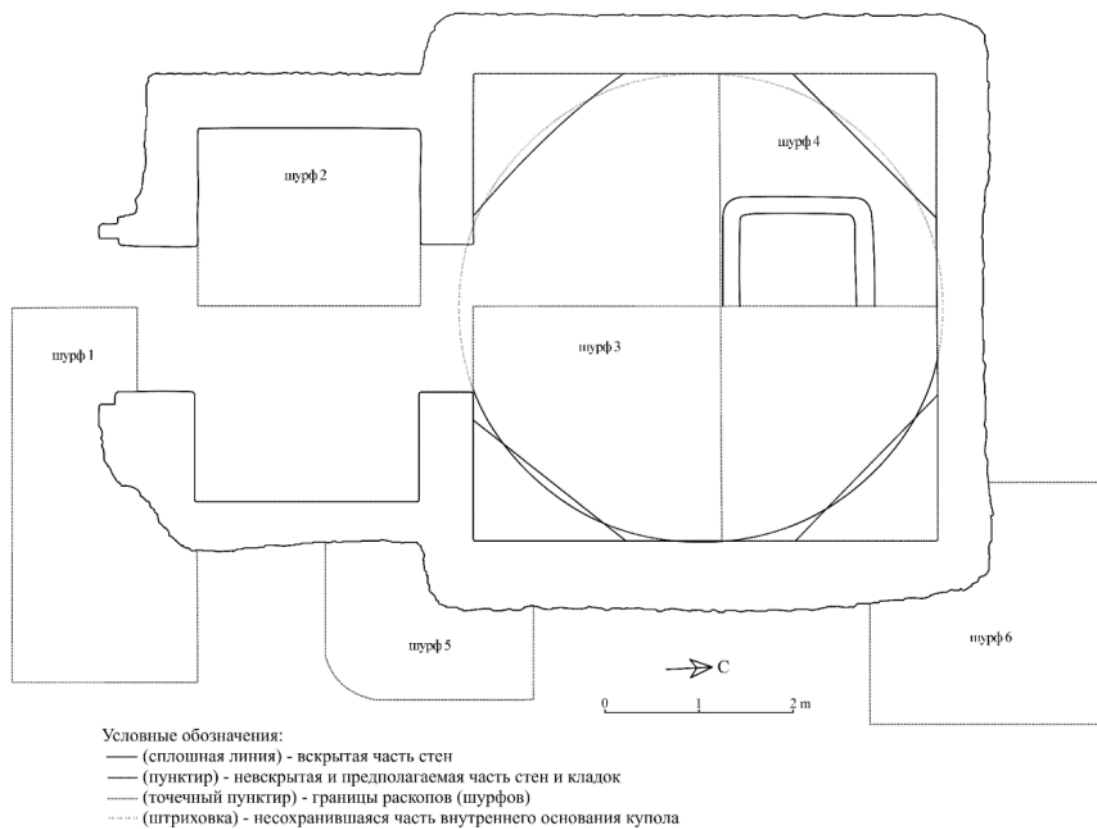

Рис. 1. План археологического раскопа. Мавзолей Кёк-Таш.

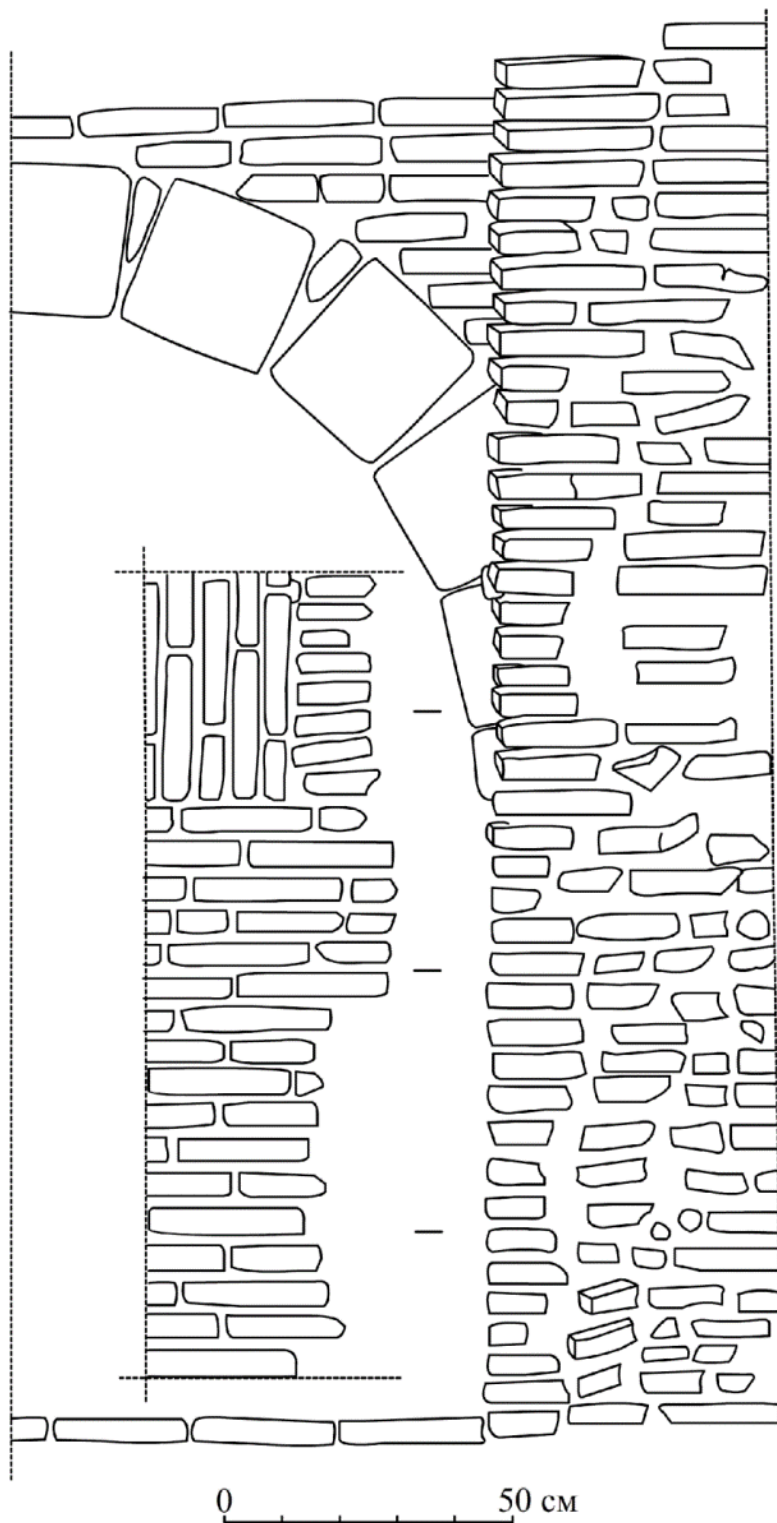

Рис. 2. Восточная половина арочного проема в мавзолее и часть фасада.

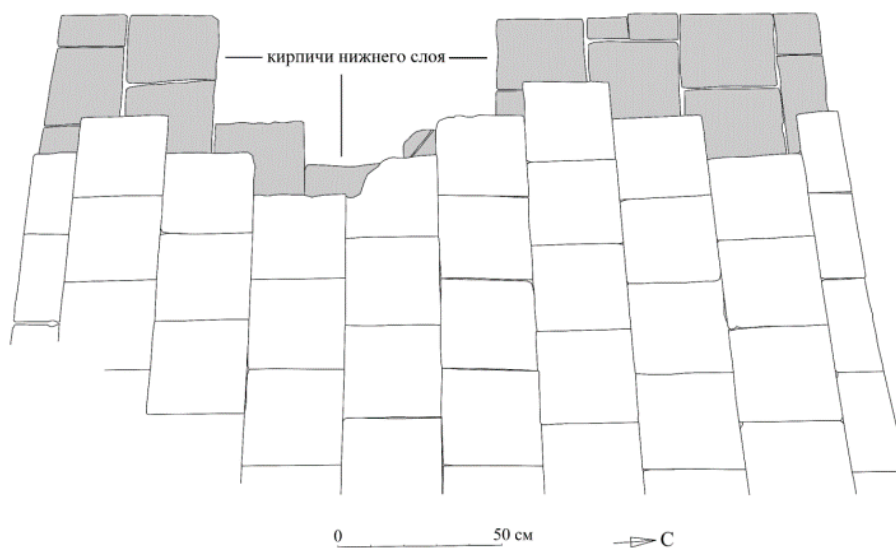

Рис. 3. Вымощенный жжеными кирпичами пол камеры 1.

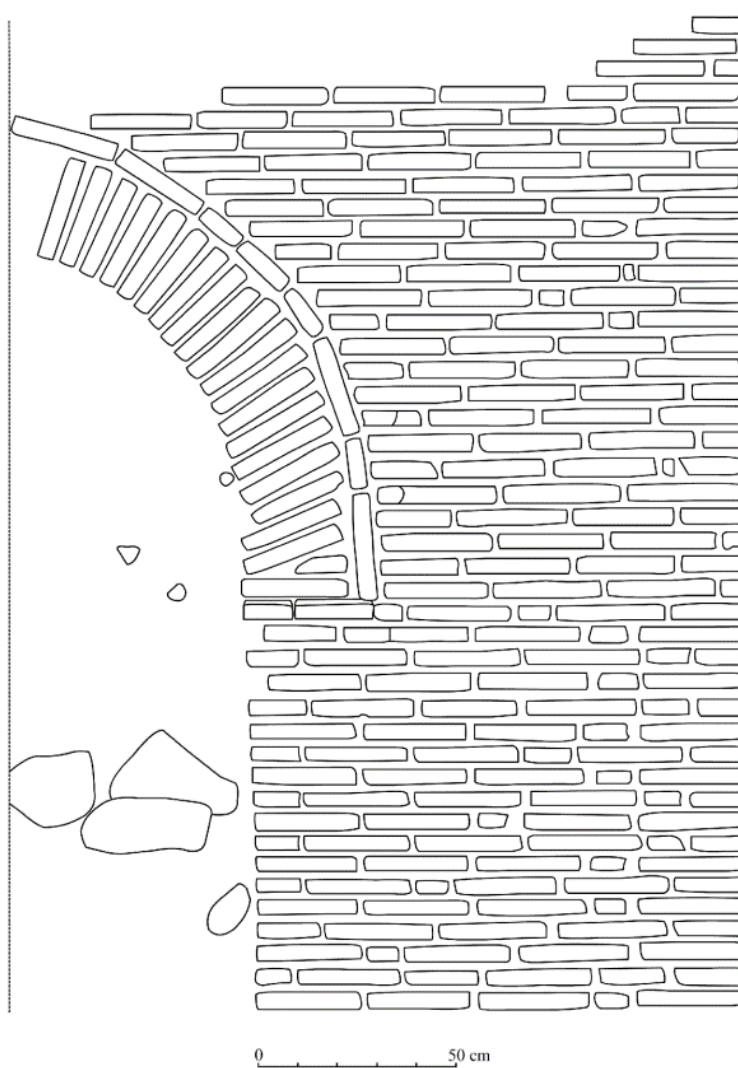

Рис. 4. Западная половина арочного проема и внутренняя стена камеры 1.

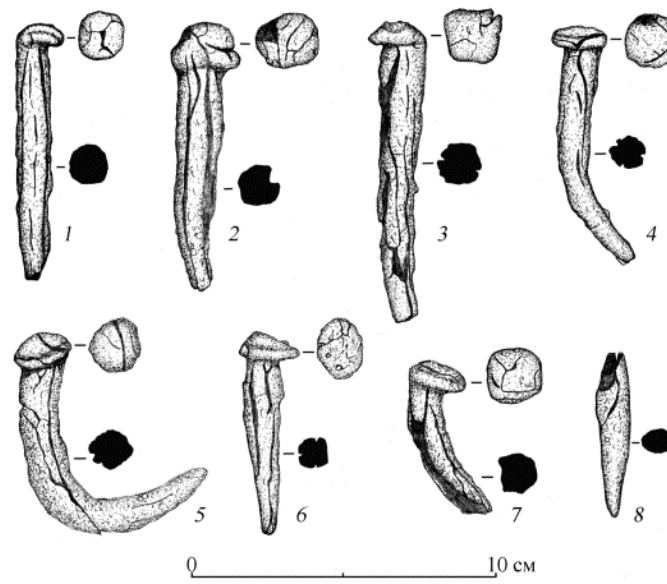

Рис. 5. Железные гвозди. Мавзолей Кёк-Таш.

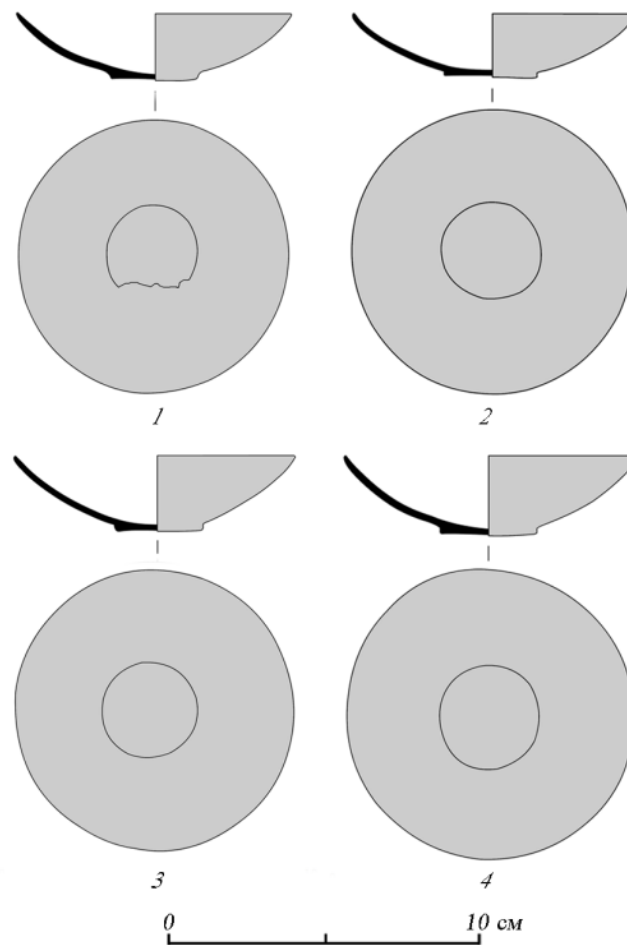

Рис. 6. Нефритовые блюда. Мавзолей Кёк-Таш.

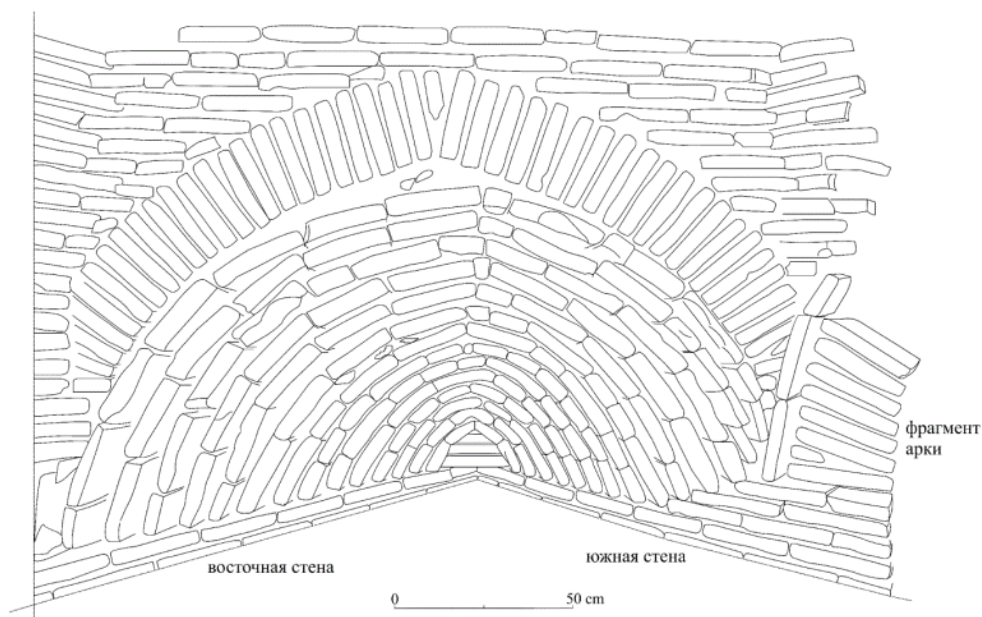

Рис. 7. Тромп на юго-восточном углу камеры 2.

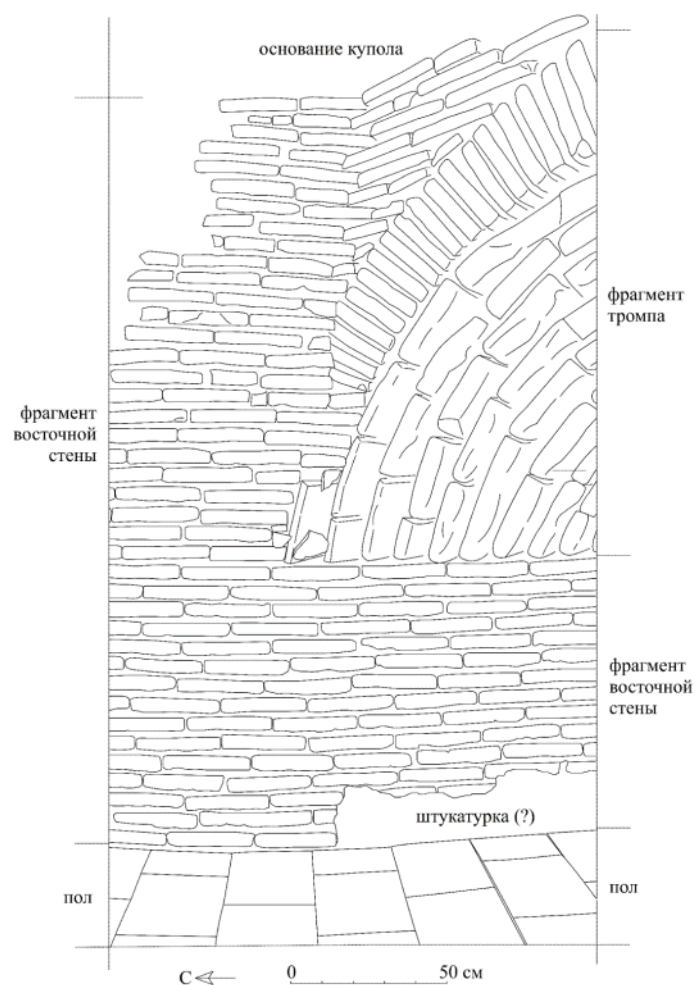

Рис. 8. Фрагменты восточной стены, тромпа и пола камеры 2.

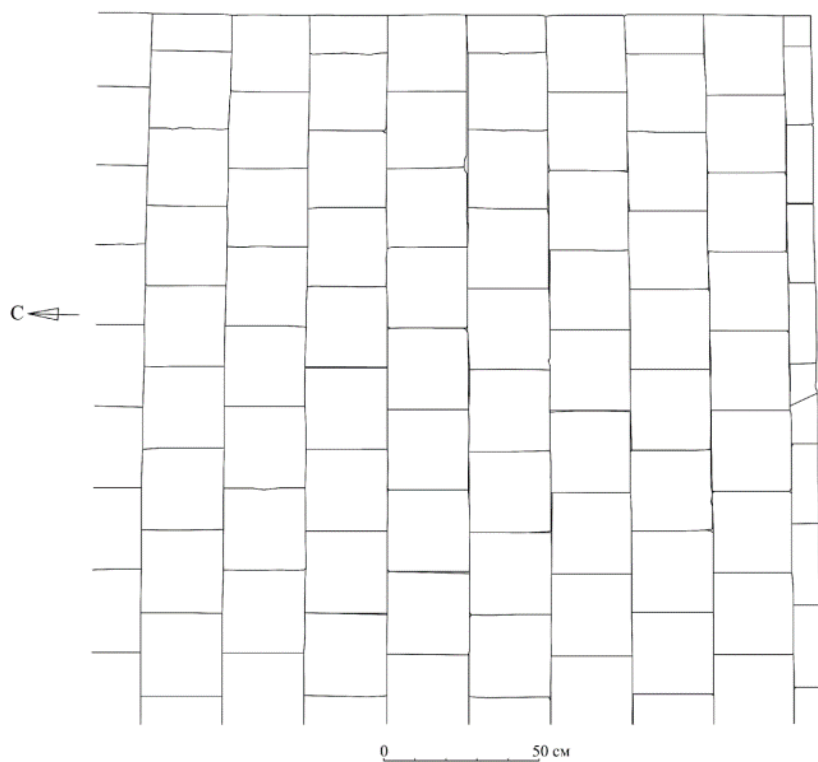

Рис. 9. Вымощенный жжеными кирпичами пол камеры 2.

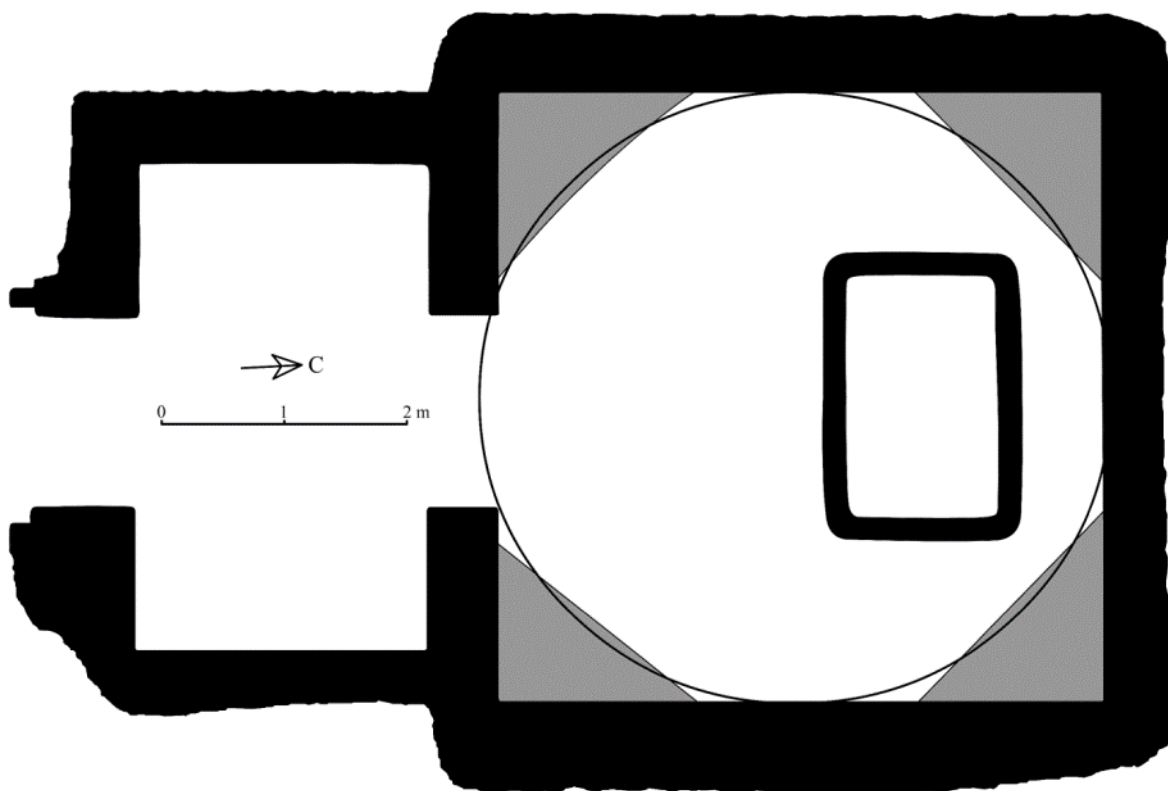

Рис. 10. Предварительный план мавзолея Кёк-Таш.